

и 13933

экологический журнал

ЭКОЛОГИЯ

**№ 3
(28)
2001**

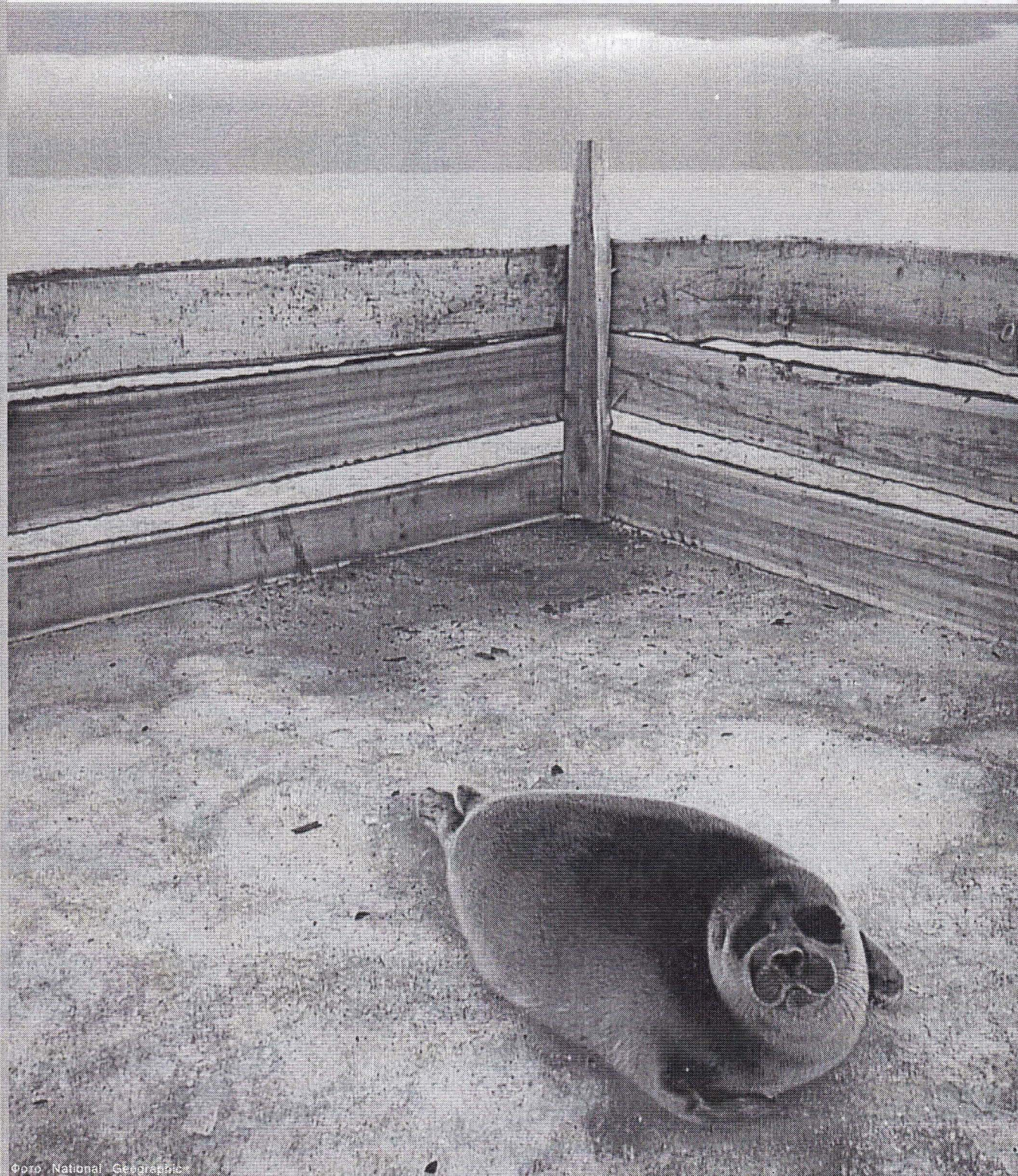

Фото National Geographic

БАЙКАЛ ПОД ОХРАНОЙ ?

БАЙКАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

Евгений Усов

«У природы есть свои любимцы, которые она при создании отделяет с особым тщанием и наделяет особенной властью. Таков, вне всякого сомнения, и Байкал... Славен и свят Байкал — своей чудесной животворной силой, духом не былого, не прошедшего, как многое ныне, а настоящего, не подвластного времени и преобразованьям, исконного величия и заповедного могущества».

В. Г. Распутин.

В июле 2000 г. мы организовали международный семинар на Байкале, где обсуждались проблемы его сохранения. Уж который раз, скажете... Ваша правда, но что сделаешь, если российским властям плевать на это уникальное озеро. Однако, не смотря ни на что, прошедший семинар оказался весьма интересным и позволил решить некоторые проблемы. Не говоря уже о том, что местным экологам представилась уникальная возможность вживую пообщаться с далеко не последними в мире специалистами.

После семинара, на катере типа «Ярославец», мы отправились в тур по Байкалу, чтобы запечатлеть на видео наиболее интересные его уголки. И сегодня мы предлагаем вам вниманию «полевой дневник» этой байкальской экспедиции.

Первое упоминание озера под именем Бэйхай в китайских письменных источниках было в 110 г. до н. э. Название «Байкал» закрепилось в 1643 г., когда сюда пришел отряд Курбата Иванова. Происхождение этого названия точно не установлено. Наиболее распространенная версия, что «Байкал» — слово тюркоязычное и происходит от «бай» —

богатый, «куль» — озеро. Получается — «богатое озеро». Первые русские землепроходцы использовали эвенкийское название — «ламу». После выхода на озеро отряда Курбата Иванова стали использовать бурятское название — «Байгаал». Потом приспособо-

били к русскому языку, заменив «г» на «к».

Многие поверья и традиции коренного населения Прибайкалья корнями уходят в древность и одинаковы у монголов и бурят. Развит культ обо, культ гор, поклонение Синему Вечному Небу (Хухэ Мунхэ-тэнгри). Возле обо — это святое место — надо остановиться, принести жертву духам. Каждая гора и долина имеет своего духа, и духов, живущих везде, надо задабривать. Буряты перед питьем спиртного чуть-чуть капают на стол или, коснувшись напитка безымянным пальцем, брызгают в сторону вверх. Природа издавна почитается как святыня. Нельзя ловить или убивать молодых птиц. Рубить молодые деревья у источников, без нужды рвать растения. Нельзя бросать му-

сор и плавать в священные воды Байкала. Нельзя оставлять за собой следы пребывания — перевернутый дерн, мусор, незатушенный костер...

10 июля. Прилетели в Иркутск рано утром; лететь из Москвы пять с лишним часов. С утра спать хотелось, но не смертельно. Доехали до вокзала, сели в фирменный поезд «Байкал-экспресс» и отправились в Слюдянку. Здесь организовали автобусную экскурсию в г. Байкальск.

Главная достопримечательность города — Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (введен в эксплуатацию в 1966 г.). Как подъехали, я тут же выставил камеру напротив и снимаю. Вижу, спешат ко мне секьюрити — что снимаешь, разрешение есть? Я им — какое такое разрешение?.. Они: вы знаете, что в радиусе 300 м от забора комбината — это его территория? Я: вообще-то считается, что территория объекта кончается сразу за его забором — остальное территория общественная. Они: документы?! Дал удостоверение Гринписа, они связались со своими и спрашивают — чего-нибудь успел снять? Я: как же, вы меня так напугали, какое там снимать, а в чем дело-то? Они: а может, у вас тут суперприбор и по какому-нибудь излучению вы выведаете какой-нибудь производственный или коммерческий секрет... короче, пошли к начальнику службы безопасности.

Пошли... Начальник, живой такой, неглупый, сразу говорит: да пусть снимает, вы следите, но осторожно, не мешайте. И мне — а на территорию не хотите пройти, если интересно? Пишите генеральному завяку и все.

Сел в дежурке, написал заявле-

ние на имя генерального директора Глазырина В. В.: «Прошу пропустить на территорию БЦБК для видео-, фотосъемок для использования в фильме о Байкале». И подписался — Гринпис-Информ (Гринпис России). Дежурный ушел и минут через 10 приходит с резолюцией — «Разрешаю»!!!

Просто сюрреализм какой-то... Я даже сомневался — может, заманивают, чтобы захоронить в варочном котле...

Дали сопровождающего, он поинтересовался, что я хотел бы снять. Я говорю — ВСЕ! Ну, к примеру, как бумагу в рулоны сворачивают. Пошли в сушильный цех. Там огромные машины вертят огромные рулоны бумаги — беленой и небеленой. Жара, вода капает с потолка... Жуткий грохот.

Вышли. Провожатого сменили двое других, принесли желтые строительные каски и дальше — в сушильный цех. Огромнейшее помещение типа самолетного ангара и огромное оборудование — станы с множеством катков, по которым идет лента целлюлозы. Ее поливают горячей водой, чтобы лучше испарялось, она идет по каткам, через которые при помощи вакуума отсасывают воду. Вот тут-то уже прямо адская печь. Влажность невероятная — отовсюду льет, жара — тяжелая, давящая, как в политом парнике в солнечный день. Как тут люди работают?.. Походили, посмотрели — один провожатый впереди рассказывает, второй помогает — несет штатив и кофр от камеры и фотоаппарат.

После «сушилки» попросил показать «варку» и «отбелку». Можно, говорят, но «отбелка» — 12 стадий

и все происходит в котлах — ничего не увидишь, «варка» — то же самое. Ну, ладно — пошли посмотрим. Тут прибегают еще двое с рациями, шушукуются с моими экскурсоводами и убегают. Оказывается, пришел приказ — разрешить снимать только в сушильном цехе. Что, говорю, экскурсия окончена? Ага, говорят. Расстались полюбовно.

По дороге об-
рат-

дет — при каждом шаге из-под ног взмывает жужжащая туча и кружит над головой, лезет в волосы, глаза... И в таких вот условиях у ближайших кустов «отдыхает» сладкая парочка, добывающая какие-то «жемчужины» в кучах мусора. Может, мухи им не мешают — держат за своих?

К концу дня подъехали к Кругобайкальской железной дороге — красота неопишная. Поезд идет по самому краю берега, петляя разнообразно изгибам прибрежной линии. С одной стороны — вода до горизонта, с другой — серые скалы, вздымающиеся, кажется, до небес. Их склоны покрыты скудной растительностью и цветами — особенно выделяются на камнях желтые лилии.

Поезд идет медленно, вползая в один тоннель за другим. (В одном из таких лет 30 назад местные ребята нашли ящик трехлинеек, два ящика патронов и каски «белочехов»).

Попросил машиниста пустить на локомотив — снять тоннели. Пустили.

Встал на самый «нос» тепловоза — дорога бежит, уходит под ноги; скалы, чайки, сосны, кедры...

Въезжаешь в тоннель, и захватывает дух — холодно, темно, грохот колес многократно отражается

от стен... И только жел-

тое пятно от прожектора на завораживающей стене тоннеля позволяет не чувствовать себя как в могильном склепе.

В одном особо длинном тоннеле въехали в облако тумана. Луч прожектора уперся в «стенку» метрах в двух от меня, а вокруг ни зги не видно. Постепенно туман стал расплываться, колыхаться, по нему пошли волны, обвивая друг друга, как сказочные драконы, и постепенно снижаясь к полу. Затем туман совсем прижался к земле плоскими, пересе-

но в Слюдянку заехали на один из шламо-накопителей, который ликвидируют весьма примечательным способом — заваливают коммунальными отходами. Здесь невероятная вонь и миллионы мух. Что-то похожее я видел в Казахстане, в стройотряде, когда приходилось спать под пологами — иначе не заснуть от щекотки десятков ползающих по тебе мух. Правда, на этой свалке мух поболее бу-

кающими друг друга слоями... и сошел на нет. В мозгу возникли образы Соляриса Тарковского, призрачных пейзажей галактических рукавов, родового лабиринта замка Амбер...

11 июля. Жаркий солнечный день. На лиственницах «пилят» цикады, над разнотравьем летает множество бабочек. На берегу озера причальный пирс. Прозрачная вода — как окно в другой мир, где живут разноцветные бычки, гуляют молодые хариусы. Правду говоря, и тут наш брат успел наследить — на дне видны банки, лежит крышка, проволока, чайник и еще что-то непонятное.

Жара, ветра нет, но вода холодная, меняхватило только на то, чтобы ополоснуться, зайдя по колено — и то ноги застыли.

Вспомнив вчерашнее «турне» по тоннелям, представил, какие особые ощущения можно испытать, если попробовать пройти один из длинных тоннелей пешком — а так люди и ходят. В самом длинном, 720 метров, можно почувствовать настоящую, изначальную темноту. В середине его теряешь всякое представление о пространстве — где право-лево, где верх-низ, куда идти? Порой может показаться, что уже идешь по потолку... В общем, без фонаря там просто не выжить, двигаться можно только на ощупь, сидя от ожидания чего-нибудь неожиданного и, естественно, малоприятного...

Всего на Кругобайкалке 38 тоннелей и 15 галерей — коротких «тоннельчиков», сделанных для защиты от падающих камней. Еще на дороге около 450 различных мостов.

И история этой дороги тоже не тривиальна. Кругобайкальская железная дорога создавалась по указу царя Александра III от 17 мая 1891 г. о строительстве железной дороге через всю Сибирь. Этот участок начал строиться в 1902 г. В основном его закончили за два года и три месяца и сдали в эксплуатацию

на год раньше намеченного срока.

Пробивка туннелей велась в большинстве случаев вручную, с использованием взрывчатки. Суточная скорость проходки составляла 40-50 см. По вольному найму работали специалисты по кладке камня из Италии и Албании, использовавшие элементы циклопической кладки, когда камень ставился без связывающегося раствора, путем подбора по форме.

На каждый километр пути расходовался вагон взрывчатки. В среднем на 1 км пути произведено земля-

ных работ по объему, равному вместимости примерно 400 вагонов, что сравнимо с объемом работ при строительстве Суэцкого канала. По стоимости эта дорога превзошла все существующие дороги. Если в среднем километр Транссибирской магистрали от Челябинска до Владивостока стоил 93 тыс. руб., то стоимость километра Кругобайкальской дороги — около 130 тыс. руб.

12 июля. Во второй половине дня прибыли в порт Байкал, расположенный по левую сторону истока Ангары. Раньше был вполне развитый порт — теперь суда распрода ны или разворованы, стоят на берегу развалинами.

На пароме — стареньком, прожавевшем судне типа речного

трамвая — поплыли в Листвянку, мимо истока Ангары, где раньше можно было увидеть один из исторических символов этих мест — Шаман-камень. После подъема воды из-за строительства Иркутской ГЭС его увидеть практически невозможно — над водой возвышается жалкий остаток былой роскоши — камень высотой метра полтора. Изда- лека даже в бинокль не разглядишь его среди рыбацких лодок, сгрудившихся в истоке реки.

По древним верованиям, у Шаманского камня жил хозяин Ангары — Ама Сагаан-нойон. Здесь проходили особо важные шаманские обряды, здесь давали клятвы и молились, сюда на ночь привозили преступника и оставляли его одного над холодным, леденящим потоком. Если к утру вода его не забирала, если он не погибал от страха и студеного дыхания Байкала, его прощали.

На пароме, как ни странно, полно англоговорящих туристов — в том числе подростков.

День опять солнечный и блики светила на волнах (что поразило до глубины души), если глядеть через поляризационные очки, сияют интенсивным, как теперь говорят, "кислотным"

фиолетовым цветом. Тут же попытался снять это явление на видеокamera (там тоже установлен поляризационный фильтр), но тщетно. Как только ни изощрялся — даже очки подставлял к объективу — ничего не вышло.

На пристани в Листвянке — стихийный рынок для туристов. Рядком стоят штук 20 коптилен, и тут же, в присутствии покупателей, коптят омуля и хариуса. Получите, мол, с пылу с жару. Горячий омуль действительно очень вкусен, но больше пяти рыб съесть все-таки трудно — живот лопнет. Тут же и «промтоварные» ряды — несметное количество поделок из самоцветных камней: серьги, подвески, амулеты, кольца, браслеты, статуэтки Бурхана (бога) всех размеров и расцветок...

У пристани стоят и меняют друг друга плавсредства всех типов — катера «Ярославцы», яхты, буксиры, моторки — все зазывают туристов. Цены на некоторые, даже совсем непродолжительные туры по озеру, стоят под тысячу и более долларов с человека — находятся ведь богатые «бурадины».

Отошли от пирса после 23.00 на катере типа «Ярославец». Название — «Профессор М. Кожов». Только вышли на простор, как началась качка — катер стал прыгать по волнам, как молодой козлик. На Байкале крайне короткая волна, и в этом особенность качки — катер не качается на волнах, а взлетает на одной и с размаху падает в следующую — иногда три идущих подряд волны располагаются таким образом, что падение на последнюю кажется длинным и мучительным испытанием на невесомость...

а потом еще и глухой удар, отдающийся во всех переборках судна. Не так чтобы очень страшно, но крайне неприятно и «нервощекотно». Декорации в виде волн, переклестывающих через нос катера, и ночного звездного неба существенно усиливают впечатление. Такого все-таки в рафинированной Москве не испытаешь. Капитан вовремя вспомнил один случай, когда они попали на волну в три метра высотой — битую посуду выносили тазами!

Для справки — байкальская волна отличается от океанской своей крутизной — до 22 градусов. Идти по ней неприятно и опасно. Кстати, ограничение у катера типа «Ярославец» по высоте — до 2 м. А наиболее опасные для плавания районы — центральная

часть озера между островами Ольхон и Большой Ушканий и южная часть Малого Моря. Тут нередко встречается толчея волн высотой более 5 м и внезапные шквалы.

Однако вернемся в каюту нашего катера... Спать в таких условиях оказалось затруднительно. После особо высокой волны кажется —

переждать непогоду.

Ранним утром, в 5.00, вышли в бухту Песчаная — волны немного поутихли.

Бухта Песчаная, ограниченная с двух сторон мысами-горами Большой Колокольный и Малый Колокольный, расположена на территории Прибайкальского национально-го парка и знаменита была «ходульными» соснами. Из-под их корней ветер выдувал песок, и постепенно сосны оказывались «стоящими» на высоких «ногах». Правда, сейчас таких сосен осталось совсем немного — постарались ветер и туристы. Ныне бухта более знаменита мусором и толпами плохо обустроенных туристов, уничтожающих ее былое очарование.

Поснимали сосны и полезли наверх, на скалы мыса, ограждающего бухту с левой стороны. С них открывается потрясающий вид на соседнюю бухту Бабушка. На вершине — скальная фигура причудливой формы. Одни говорят — это та самая бабушка, а другие — это лежащий ребенок, внук бабушки.

Пока снимали, волнение сошло на нет. Пошли на Селенгу. К сожалению, зашли с «фасада» — там, где птицы пуганые, да и немного их. Однако удалось снять пролетающих журавлей, уток, замечательных своей непосредственностью птенцов лысух, да парящих над камышовыми джунглями коршунов и луней.

Вечером опять пошли через Байкал, к самому большому острову на Байкале — Ольхону. Заночевали, не доходя, в бухте Ая, окруженной высоченными скалами. Кое-кто говорит, что там должны быть наскальные палеолитические рисунки. Однако мы заметили только надписи наших современников, нанесенные краской и ископавшиеся прекрасным белым утес.

взлетаешь под потолок, и рука инстинктивно ищет за что схватиться. Да еще вода сочится сквозь закрытые иллюминаторы и капает на полку-банку.

13 июля. Часа в два утра встали в устье реки Большая Голоустная —

14 июля. Утром вошли в Малое море, отделяющее Ольхон от материка. Зашли в поселок, называемый местными МРС, где поразило изобилие в местном магазине — видов восемь фотопленок, разнообразные экзотические фрукты, множество сортов пива, водки и вина, «жевачки», мороженого и пр.

Пошли вдоль Ольхона — это огромный остров, где обширные степи переходят в тайгу и наоборот. Вышли на берег в главном поселке острова — Хужире. Тут ранее был небольшой, но флот судов, рыбозавод. Теперь все в запустении — суда гниют и ржавеют на берегу, безработица, люди возвращаются к натуральному хозяйству и, как водится, пьют при возможности без меры.

Недалеко от Хужира есть святое место бурят — потрясающей красоты двуглавая скала, соединенная узким перешейком с островом. Называется — Бурхан. Рядом скала в воде, напоминающая голову женщины — называют ее «шаманка».

Подойдя к Бурхану, мы остолбенели — все скалы исписаны краской... Теперь мы знаем, что на свете есть такой Саша (Андрей, Вова...), самовлюбленный вандал. Это же надо — лезть, рискуя жизнью, на отвесную скалу, к высоким расщелинам, где свили гнезда ласточки, и все для того, чтобы накарябать там свое имя и имена подруг. Просто в голове не укладывается...

На Бурхане издавна проводились различные обряды, и это место действительно занимало весьма значительное место в культурной жизни коренного населения. Конечно, с приходом советской власти все резко изменилось...

Однако традиции, хоть и в усеченном виде, но сохраняются. Пока мы запечатлевали на пленку местные пейзажи, на паре джипов и микроавтобусе подъехала группа. Разожгла у «обо» (увитого лентами столба) ритуальный костер — почтила память предков... Чайки, привыкшие к таким ритуалам, после которых обычно остается съестное, кружат над головой, олицетворяя

собой души давно умерших людей, наблюдающих за ныне живущими.

Ольхон овеян множеством легенд и преданий. В представлениях людей он всплывает из волн «Священного моря» туманным островом аналогий и неясных догадок... Но реальность несколько иная. Конечно, здесь еще остались дикие нетронутые места. Но в районе Хужира остров представляет собой весьма жалкое зрелище. Кругом мусор, брошенные бетонные конструкции, битое стекло хрустит под ногами, щепнистые проплешины стыдливо прикрывают нежно-розовые розетки душистого чабреца...

От Хужира пошли на северную оконечность Ольхона — мыс Хобой. Здесь узкая скала прихотью природы превратилась в силуэт смотрящего в небо человека.

Здесь берег обрывистый, сплошные прижимы — скалы, обрывающиеся в воду. Есть всего несколько распадков, по которым можно подняться наверх. Одним из них мы и прошли по крутой тропе через узкую полосу леса, растущего на склонах, в степь. Степь зеленая с редкими выходами каменных пород, на которых распустились мелкие цветочки, цветные лишайники... Дождь моросит. Высота — метров сто над озером.

Внизу разные слои воды образуют на поверхности Байкала своеобразную «речную сеть». Наш катер в бухте, как маленькая заводная игрушка.

На вершину высоченного утеса, обрывающегося в озеро, ведет тропка, с обеих сторон огражденная каменными грядами — своеобразными природными перилами, расцвеченными оранжево-красными мхами. С верхней точки скалы открывается совершенно фантастический вид на бухту...

Вечером команда пригласила нас «отведать экзотики». Сопровождаемые призрачным светом полной луны, мы отправились на берег опробовать исконный способ приготовления рыбы «на рожнах» — помыте, «не лезь на рожон»?

Рожны — это вырезанные из дерева широкие «клинки». Рыба разделяется, разрезается на две половины, солится и нанизывается на рожны, которые с помощью камней наклонно устанавливаются вокруг костра. По мере прогорания дров рожны опускаются все ниже и ниже к углям.

Пока готовилась рыба — снял новым телевиком луну — крупно, даже в кадр полностью не влезла, видны кратеры, горы. Оказывается, она похожа на арбуз или воздушный шарик — снизу, на 7 часов, кратер, а от него во все стороны идут «лучики»...

Рыба... нет слов!

Своеобразно «скрасило» впечатление приобщение к «деликатесу». Капитан заявил, что самое вкусное в рыбе — голова, а конкретно — мозги и глаза... Настоял, чтобы я попробовал. Меняхватило только на то, чтобы немного покатасть во рту склизкий, холодный, до дрожи неприятный комочек глаза. Однако приличия были соблюдены, проба снята...

15 июля. Пошли на Ушканьи острова (Забайкальский национальный парк), где расположено главное лежбище байкальской нерпы.

Байкальская нерпа — уникальный пресноводный тюлень (в России пресноводная нерпа встречается, кроме Байкала, только в Ладоге — озере в Ленинградской области; говорят, что еще где-то в мире есть пресноводный тюлень, но где?..). Сейчас их в Байкале, согласно подсчетам экспедиции Гринпис, около 80 тыс. Никто до сих пор не знает, как нерпа попала в Байкал. Большинство ученых придерживаются мнения И. Д. Черского, считавшего, что нерпа проникла в озеро из Ледовитого океана через систему рек Енисей-Ангара в ледниковую эпоху одновременно с омулем. Питается нерпа голомянкой, бычками. В год съедает около тонны. Нырять за пищей на глубину до 200 м и остается под водой 20-25 мин. Живет

до 56 лет. Длина самцов — до 1,8 м, самки поменьше.

В Ушканий архипелаг входят гористый Большой Ушканий остров и несколько Малых Ушканьих островов.

Только отошли от Ольхона, как сразу попали в сплошной туман — видимость несколько десятков метров. По такой погоде нерпу фотографировать — все равно что в 720-метровом тоннеле Кругобайкалки книгу читать. Уже захотелось волосы рвать на голове... Однако на самом подходе к Ушканьим поднялся ветерок и разогнал «молоко». Бухта у Большого Ушканьего мелкая; чистая как слеза вода кажется неким наваждением — когда спустили лодку, чтобы идти к берегу на кордон, никак не мог поверить, что лодка стоит на воде. Было полное ощущение, что она висит в воздухе никак не менее чем в полуметре от нее.

Получив разрешение у егеря, отправились на съемки. Чтобы не пугать нерпу, катер пошел по дуге, в полутора километрах от берега, и на самом малом тихонько подошел к острову, на противоположной стороне которого расположено «общечитие» нерп.

До лежбища надо идти через весь остров по тропке, преодолевая последние метров 30 практически ползком, что крайне затруднительно, учитывая количество видео- и фотоаппаратуры и обилие муравьев.

Лежбище — один большой камень и россыпь мелких, на которых лежат нерпы. Это круглые, серо-черные увальни с бездонными черными глазами и уловками карапуз-непоседы. Плещутся, хрюкают, звонко хлопают лапами по собственному животу или боку, чешут друг друга когтями...

На дальнем камне у одной нерпы свисает со спины здоровенный пласт кожи, обнажая красное мясо. Трудно представить, кто мог нанести ей такую рану — возможно, это след от

винта моторной лодки.

Вокруг лежбища плавают утки — нырки, крохали — и чайки. А на берегу виден скелет нерпы.

Вода прозрачная настолько, что с горки вид-

но, как нырнувшая нерпа плывет под водой, лениво помахивая задними лапами.

Вот уже второй раз, снимая нерпу, замечаю, что у ее лежбища время идет в несколько раз быстрее, чем в других местах. Казалось, только-только пришли, снимали-то совсем чуть-чуть, а нет: в соответствии с наручными часами прошло пять часов — ну буквально как пять минут!..

С Ушканов пошли к Баргузинскому заповеднику, надеясь снять медведей, которые частенько выходят на берег в поисках выброшенной мертвой нерпы или иной принесенной волнами снеди.

Ключья тумана плывут над водой, изгибаясь, сливаясь и растворяясь в дрожащем мареве. Ушканьи острова на горизонте как будто висят в воздухе — этот оптический эффект здесь обычен, но иногда тут можно наблюдать настоящие миражи.

Слева, на западном берегу, плотный туман образовал многокилометровые молочные «горы»... Порой кажется, что это огромное аморфное животное из фантастического

фильма разлеглось у горизонта, пожирая сопки.

Дойдя до первого кордона заповедника, сразу прошли вдоль берега — вдруг какой-нибудь заблудший мишка встретится. Но нет, берег пуст. Встали на якорь.

16 июля. Утром отправились на берег к егерю. «Медведь-то? Так каждый день, почитай, встречаю. А живет недалеко — на реке Шумилихе...»

И мы, полные надежд, пошли на реку. Как добрая примета, в рассветной тишине над нами медленно пролетел орел...

Тропа в горы начинается прямо на берегу, в густом, непроходимом кедровом стланике — так называемом «ложном гольцовом поясе». Ложном, потому

что обычно кедровый стланик должен расти в горах, где уже закончилась тайга. Под переплетением ветвей — ковер белого мха-ягеля. Стланик растет так густо, что проще идти по его верхушкам, чем протискиваться через хитросплетения жестких, упругих, колючих веток.

Только вышли на тропу, как упал густейший туман; катер тут же пропал из глаз. В голове заскребилось предательское сомнение — стоит ли идти? Но эту мысль мы посчитали городским атавизмом и с презрением отвергли...

Тропка ухоженная, и, по всем признакам, ею пользуются не только люди, но и звери. Мы встретили следы косуль, тетерева или глухаря — точнее не разобрать — и, конечно, медведя. А в метрах стах от берега, прямо на краю тропы, обнаружилась медвежья лежка — некое подобие «пещеры» в густом стланике, усыпанное иголками ложе, где можно скоротать в теньке жаркий солнечный день...

У тропы там и сям встречались «раскопки» — здесь медведь откапывал кладовые бурундуков, куда они складывают кедровые орешки. У одной из ям лежал ствол пихты со

следами медвежьих когтей. Кстати, когда мы возвращались, это бревно уже лежало перевернутым отметинами вниз и почти на метр в стороне. Заметим, что туристы в это время по тропе не проходили.

Река Шумилиха полностью оправдывает свое название — за деревьями ее не видно, но грохот от «скачущей» по валунам воды глушит все посторонние звуки.

Тропа идет по гребню морены — широкой гряды, оставленной в незапамятные времена пришедшим с севера ледником. Наша цель — исток Шумилихи, озеро, «притаившееся» в горной долине, километрах в 10 от берега.

Преодолев затяжной, выматывающий двухкилометровый подъем, вышли к избушке. Рухнув на деревянную скамью, жду, пока высохнут ручки пота. Он даже и не соленый, соль давно вся вышла, а пресный, просто вода из пор выходит...

Привал был недолог... Следующая ходка — это еще час нудного, жаркого, мокрого подъема. Хочется снять одежду, подставить тело хоть и еле живому, но все же обещающему немного прохлады ветерку. Но клещи не дремлют. Есть, конечно, вакцина, но все-таки главный принцип безопасности — не дать клещу впиться в тело. Так что приходится по возможности быть застегнутым на все пуговицы и время от времени осматриваться и встряхиваться... Надо сказать, что в этот раз никого клещ не укусил, обошлось.

Следующий привал — на вершине морены, на своеобразной смотровой площадке. С нее видны байкальские просторы, громадный белый «язык» тумана, разлегшийся у берега...

Неожиданно в бинокль уловили какое-то движение почти на вершине горы справа. Похоже на изюбря, но если это и был он, то, раз показавшись из-за огромного серого ва-

луна, больше в поле зрения не появился. Покараулив минут сорок, пошли дальше. Над головой трещит кедровка. То ли нас провожает, предупреждает лесных жителей, то ли на нас медведя наводит...

Вдруг слышу сухое потрескивание — глядь: здоровенная стрекоза медленно-медленно поднимается среди ветвей кедра, молотя крыльями воздух — чем не маленький вертолет? Повисела на месте несколько минут и, сорвавшись с места, мгновенно исчезла...

Прошли еще пару километров — сзади на тропе захрустели ветки.

Насторожившись, сели в заса-

ду, приготовив ка- меру... Сердце тревожно екнуло — тропа метра в пяти поворачивает и что там, не видно. Опять трещит кедровка... Минут двадцать сидели неподвижно, тихо, но на тропе так никто и не появился. Не знаю, к счастью или нет...

Дошли до истока Шумилихи. В глубокой долине лежит изрезанное, с островом посередине, мелкое прозрачное озеро. Манит прохладой... Но надо зверей искать. И, истекая потом, прошли мимо, по россыпи валунов забрались на горюшку и сели

в засаду под разлапистый куст кедрового стланика... Солнце печет, круги перед глазами, а в дрожащем мареве вдаль «плывут» белые снежники на скалистых вершинах гор. Оттуда, прячась под «курумником» («язык» громадных валунов, скатившихся со скал), бегут ручьи, питающие озеро.

Что-то не везет нам, три часа сидели, оглядывая окрестности в бинокль... и ничего, и никого. Скорее всего, погода не та — слишком жарко и звери улеглись на дневку в зарослях, в тени...

Поняв, что нам «не светит», вернулись к озеру. И тут уж... Вода не холодная и не теплая — в самый раз броситься после затяжного

восхождения и жаркого бдения на наблюдательном посту. Тело распаренное, как после русской бани, и с размаху — в прохладную воду. Вот тут-то чувствуешь, что живешь, что ни мозг, ни тело не потеряли способность ощущать и проникаться удивительными моментами бытия, ради которых целый год сидишь в душном городском офисе, мечтая о Байкале, Камчатке...

Путь назад кажется легче, но через некоторое время постоянный спуск начинает выматывать не хуже, чем подъем — несешься под уклон, едва успевая попадать ногами на относительно ровные участки тропы, и никак не остановиться...

Однако остановиться пришлось — бурундуки. Ладно, медведя не подловили, так хоть симпатичных «полосатиков» снимаем. Не тут-то было! Эти непоседы носятся меж корней и по ветвям кедров, как будто вчера вечером спрятали что-то из походного снаряжения, а теперь забыли, где спрятали, а через минуту выходить... Вообще-то нас они не боятся, но суетятся, скачут, свистят, сверкают рыжими молния-

ми вдоль тропы и в кадр никак не идут. И гонялись мы за ними, и загоняли, и подкрадывались... Результат — литр-другой жидкости из организма выгнали, да несколько секунд видео отсняли. Да уж...

Тут опять затрещала кедровка, явно не на нас, а где-то недалеко, за очередным поворотом тропы. И тут,

кадры будут замечательные, но сможет ли ими любоваться оператор?..

Вернувшись на катер, мы с мрачным удовлетворением (а как иначе могло быть?) узнали, что пока мы ловили медведя в горах (и все-таки есть весомые подозрения, что пару раз он был от нас недалеко), один из них спокойно резвился на берегу в зарослях стланика, вырыл яму, гулял, как видно было по следам, туда-сюда.... Вот ведь судьба!

Решили покараулить на берегу с утра, для чего отвезли на пляж остатки рыбы — может, соблазнится. Правда, особой надежды не

видно, в мозгу что-то щелкнуло и с небывалой актуальностью в голове возник вопрос — что делать, если сейчас, вот из-за этого поворота, выйдет медведь? До сего момента возможность встречи с ним представлялась чем-то абстрактным. Но поход в горы, как видно, наполнил эту призрачную возможность реальным содержанием.... В ногах похолодело, под ложечкой засосало, руки засустились по видеокамере. Стал лихорадочно вспоминать советы бывалых людей — не бежать, не отходить далеко друг от друга, найти дерево повыше (как назло, таких вокруг не оказалось)... Напряженно вглядываясь в заросли, пошли дальше, нарочито громко разговаривая и стуча сапогами по камням. Обошлось.... Опять непонятно — хорошо или плохо. Наверное, хорошо. Все-таки медведя лучше снимать издали. На тропе, нос к носу, фокус не наведешь, если вообще вспомнишь, как это делается. Камеру он, конечно, не съест, и

было: понаехали туристы на трех судах — рыбу ловить, отдыхать. Все это происходит, как мы помним, на территории Баргузинского заповедника, где присутствие людей должно быть сведено к минимуму. Скорее, даже к нулю, — по крайней мере, людей случайных, коими без всяких оговорок являются туристы.

Вечером наблюдали лунное затмение — для меня оно было первым в жизни.

Всю ночь на судне, стоящем километрах в трех от нас, молотил генератор...

17 июля. Встал в 5.30 (в который уже раз...). Сел в капитанскую рубку караулить медведя. Хотя какой тут медведь — туристы, генератор стучит... Восходящее солнце подарило совершенно фантастическую картинку — темные горы и ярко-золотые облака. Все это продолжалось минут пять, не больше. Потом солнце вошло в тучи, и все опять стало серым... Через час зарядил дождь, прилетели черные вороны, чайки — хоть какое-то разнообразие...

Просидел до восьми часов. В это время медведя уже ждать бессмысленно. Пошел спать.

Катер направился через озеро к Байкало-Ленскому заповеднику — к мысу Заворотный. Видимость плохая, по воде бьют крупные капли... Правильно сказал капитан вчера — если на небе вытянутые перьями «когтистые» облака-«цирусы», жди часов через 12 дождя.

На подходе к берегу глубина, судя по эхолоту, уменьшалась с умопомрачительной скоростью — за секунду на несколько метров. Дно озера здесь поднимается очень круто — метров до двух, потом опять обрыв — до пяти-шести метров и вновь подъем до двух-трех метров глубины уже у самого берега.

Туман, сырость, тоска.... Сняли сюжет под кодовым названием «Байкальский дождь». Навстречу попался мужик, который заявил, что все вокруг — берег, дома, пристань — является частной собственностью. Так что, мол, нечего тут... Дождь, конечно, переждите и того, отправляйтесь.

В принципе, все правильно — государственный заповедник является государственной собственностью. А так как «носитель государственности», по Конституции, — многонациональный российский народ, то получается, что заповедник является частной собственностью граждан

России. Однако вряд ли наш собеседник способен на столь отвлеченные аналогии. Так что же он имел в виду? Похоже, мы докатились до того, что коммерсанты могут безбоязненно захватывать заповедные территории и ничуть этого не стесняться?

На причале лежат стройматериалы — груды кирпича, стопки бетонных плит, доски. Неужели нищий, как это принято в России, заповедник «наскреб денег на особняк»? Странно...

В дальнейших разговорах выяснилось, что темные личности, с которыми мы столкнулись, имеют отношение к АО «Лензолото»... Кстати (что совсем некстати), министр природных ресурсов Б. Яцкевич, подгрешивший под свое министерство Госкомэкологию и Рослесхоз, с 1995 г. возглавляет Совет директоров АО «Лензолото». Не отсюда ли его любовь к золотодобытчикам? Не из-за этого ли он с почти маниакальным упорством отстаивает необходимость добычи золота на территориях, внесенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО — в Национальном парке «Югыд Ва» и на Камчатке?

«Собственники» причала и построек расположились на двух симпатичных катерах. На одном вообще не заметно никаких опознавательных знаков, на борту другого номер: И7263ир.

Часов в семь вечера дождь кончился, туман рассеялся, но только мы отошли от пирса — все по новой. Берег полностью затянуло, видимость — метров 30...

Решили попытать счастья (подкараулить медведя) на мысу Большой Солонцовый. Большой треугольный мыс, вдающийся в Байкал, с треугольным же озером внутри. Вдоль берега — высокая дюна из черного крупного песка и гальки, дальше — заболоченная низинка, лес и собственно озеро.

На дюне, под изогнутыми ветром лиственницами — поляны фиолетово-розовых цветов, тут же желтые маки...

Вся дюна испещрена крупными округлыми следами. Однозначно, медведь ходил. В лесу — множество звериных троп... Но, как и предполагалось, никто к нам познакомиться не вышел. Видно, не по погоде гости...

На озере — утки. Одни укладываются спать, взбивая перья под крыльями, чтобы мягче было голову прятать, другие совершают вечерний моцион с выводком пушистых утят. Справа и слева, в дальних, скрытых туманом и сеющим дождиком, углах озера, протяжно и уныло кричат какие-то птицы.

За озером, посреди заливного луга, в рощице лиственниц заметили «копалуху» — глухариху. Далеко, еле видно. Решили подкрасться, стараясь, чтобы между нами и глухарихой всегда было какое-нибудь дерево. На полусогнутых, в сочащейся сыростью траве по пояс, подошли метров на сто... Дерево мешает... Взяли немного в сторону и оказались на открытом пространстве. Пришлось ползти — трава настолько мокрая, что казалось, плывешь по ней... И «плыть» надо медленно, чтобы не звякнуть, не хрустнуть, не взмахнуть рукой, пытаясь сохранить равновесие, когда камера цепляется за куст, а нога запутывается в осоке... Этак мы метров 50 ползти не меньше получаса. Метр вперед и застываешь, еще метр и замираешь, еще метр — глухариха забеспокоилась, головой завертела — все, замри на месте, как бы ноги раскорячены ни были...

Подобрались почти вплотную, сняли пару неплохих планов... Обидно только, что дождь и хмарь, темновато получилось. Глухариха долго терпела наше присутствие, но, наконец, спорхнула на землю. И через пару минут оттуда снарядами, суматошно грохоча крыльями, выскочили пять под-

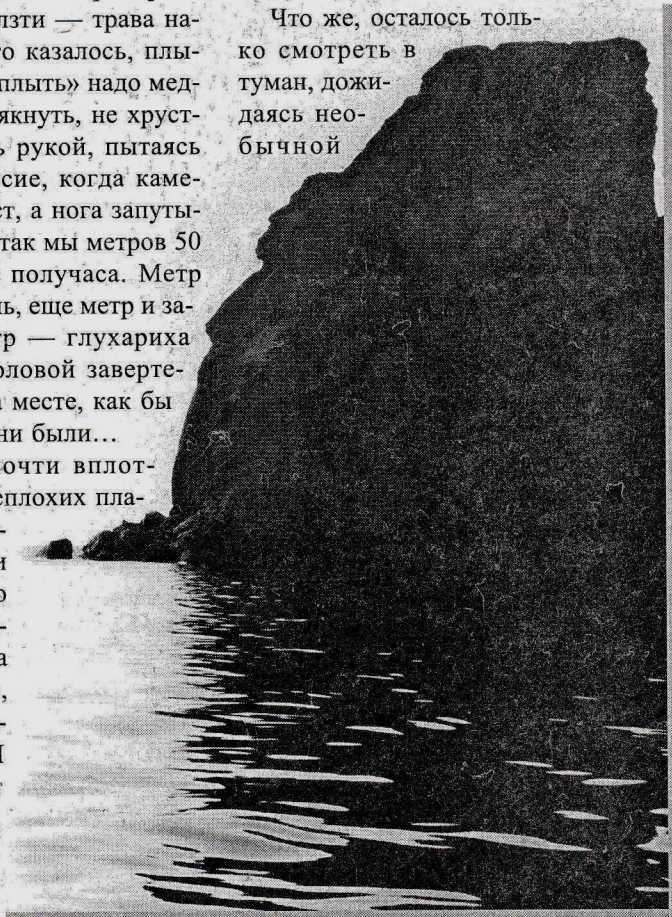
ростков-глухарят. За ними и мать — умчались в лес.

Обратно шли по болоту, мокрые, усталые и довольные. В ботинках хлюпало так, что они воспринимались как микроаквариумы — хоть рыбок запускай. С плеч и по спине, уже не удерживаемые одеждой, стекли холодные ручейки...

С вечера, как символ последней надежды, «заложили» на дюне остатки рыбы — приманку для приبلудного топтыгина...

18 июля. Встал часов в 5 утра. Все вокруг затянато «молоком». Даже если медведь и придет, увидеть его будет невозможно. Часа через полтора все надежды рухнули — с большой воды мерзко затрещали моторки. Здра-авствуйте! Опять вчерашние «собственники» припожаловали — на двух моторках, шесть человек с удочками и еще каким-то снаряжением... Ну до чего же надоели! Шляются по заповеднику, как у себя дома!...

Что же, осталось только смотреть в туман, дожидаясь необычной

картинки... И она появилась.

Давно мечтал снять восходящее солнце. И вот удалось! И без всяких дополнительных приспособлений. Помог плотный туман... Солнце — большой мутно-желтый круг — медленно ползет вверх через вершины лиственниц. Зрелище просто фантастическое, но, боюсь, на видео оно несколько хуже, чем наяву...

Отошли от берега, и он тут же пропал в тумане, который разошелся только через

несколько часов.

Шли с мористой части Ольхона, так быстрее. Берега обрывистые — высокие серые скалы, зеленеющие сверху степными прогалинами и «щетками» тайги.

Остановились на мысу, чтобы поспинимать под водой. Хорошо, что тут не так холодно, как на Ушканьих островах, «заряда» хватает аж на несколько минут прогулки по колесно в воде. Однако не все так просто в жизни и, проводя бокс с камерой над очередным камнем, неожиданно проваливаюсь вниз и ухожу с головой под воду... Выброс адреналина, и, как пробка, выскакиваю на торчащий из воды камень. Холодно, обескураживающе, на берегу хохочут невольные свидетели падения. Ну, ничего, как уже упоминалось, вода не такая уж и холодная — градусов 15, так что, встряхнувшись и скинув футболку, опять полез в воду. Согрела еще и мысль о жуждем на берегу костерке.

Закончив съемку, сели у костра. В это время метрах в стах от берега демонстрировали технику плавания в холодной воде три нерпы. Черными

поплавками выскакивали среди волн, любопытно вытягивали шеи и вновь исчезали... А за спиной, в прогретой солнцем траве, гремел многоголосый хор кузнечиков.

Далее шли без остановки...

19 июля. С утра зашли в поселок Большие Коты. Домов немного, две улочки. Есть магазинчик и киоск. Главная река поселка струится жалким ручейком — практически пересохла. В поселке много молодежи — сейчас тут проходят практику студенты: географы и биологи... Вот котов, ни больших, ни маленьких, встретить не пришлось.

В середине дня прибыли обратно в Листвянку. Опять рынок, призывы отведать копченого омуля, толкотня, «крутые» на джипах и белых «Тойотах». Туристы: «свежие», с затаенным предвкушением в глазах, и «бывалые» — запыленные, согнувшиеся под выцветшими рюкзаками...

Привет, «цивилизация», как мы тебя понимаем!

Пока, Байкал, еще увидимся!

Фотографии автора

ПИХТА В ОПАСНОСТИ

Первые признаки ослабления пихты на территории Байкальского заповедника были отмечены уже в 1975 г., а в 1977–78 гг. внешние признаки резкого ухудшения состояния появились на большой площади пихтовых массивов.

В 1980-х гг. в заповеднике было проведено несколько детальных обследований пихтовых лесов на северных склонах Хамар-Дабана с привлечением специалистов из Белоруссии и Москвы. Впоследствии мониторинг велся (и ведется до сих пор) уже силами сотрудников отдела охраны и научного отдела самого заповедника. Наиболее ослабленными оказались пихтовые леса в верховьях реки Выдринной и ее притоков. Было об-

следовано 11761 га. Обследования показали, что доля здоровых деревьев составляет здесь не более 1%, 48,7% ослаблены, а 42% территории занимают сильно ослабленные насаждения. Свежеусохшие и усыхающие деревья составили 8,3%!

Обследования 1990-х гг. показали дальнейшее ухудшение состояния пихты. Деревья усыхают полосами, приуроченными к определенной высоте, и в некоторых полосах усыхание достигает 100%. Почва в таких местах изменяется и естественного возобновления пихты уже не происходит. При этом сколько-нибудь существенного поражения вредителями нет.

Последнее обследование проведено сотрудниками заповедни-

ка в июне 2001 г. Ситуация угрожающая: площадь усохшего леса сильно увеличилась и продвинулась к берегу Байкала. По ручью Ивановскому отмечен массовый вывал леса на площади в несколько десятков гектаров, на склонах наблюдается водная эрозия. Те же явления отмечены на смежных с заповедником территориях.

В чем причина этого грозного явления — неясно, хотя есть предположения, что оно может быть связано с климатическими изменениями. Впрочем, никаких серьезных метеорологических исследований в долине не проводилось.

(По материалам статьи Г. В. Седовой, зам. директора по охране территории Байкальского заповедника, и С. Л. Ткач, старшего госинспектора по охране территории заповедника)